

№
3096.

Управление
въ печати.
№ 1698

500

3588/1

И. Айвазовъ.

Трафъ Левъ Толстой.

Печатня А.И.Снегиревой Москва.

1913

И. Айвазовъ.

Трафъ Левъ Толстой.

 ПЕЧАТНІА А.М.СНЕГИРЕВОЙ МОСКВА.

1913

1308

Отдѣльн. оттискъ изъ журн. Голосъ Церкви № 4 за 1913 г.

Графъ Левъ Толстой.

I.

Міровая трагикомедія.

„Мнѣ надо самому одному жить,
самому одному и умереть“.

(Гр. Л. Толстой).

Три десятка лѣтъ на міровой сценѣ разыгрывалась небывалая трагикомедія. Авторомъ ея и главнымъ въ ней дѣйствующимъ лицомъ былъ гр. Л. Толстой. Оттого трагикомедія и можетъ быть названа: „*Графъ Левъ Толстой*“.

Прежде великій художникъ, а затѣмъ религіозный хулитель и политико-соціальный разрушитель, гр. Толстой предъ смертью снова приковалъ, было, къ себѣ вниманіе всего міра. Снова трагикомедія „*Графъ Л. Толстой*“ съ наиболѣе пышнымъ декорумомъ была поставлена на міровой сценѣ. И не только обновили декорумъ, но и прорепетировали *эпизодъ* трагикомедіи. Сигналъ къ репетиціи далъ самъ гр. Толстой. Цѣною потери послѣдней искры и разума, и совѣсти, и долга создали одинъ за другимъ небывалые театральные эффекты, кое-какъ набрали—„съ міру по ниткѣ“—матерьялецъ—„рубашку“ для „голаго“ душою главнаго дѣятеля задуманнаго эпизода и пустили его на сцену въ новомъ жалко-комичномъ нарядѣ...

И въ жертву этого эпизода принесли покой: и бѣд-

наго „почтаря Фильки“, и знатныхъ людей, и писателей, и философовъ, и мужей науки, и дѣятелей Церкви, и вообще народныхъ массъ! Точно въ лѣтній зной закружились мухи, разлетѣлись по городамъ и весямъ и докучливо жалятъ обывателей!.. Повсюду звенѣли телефоны, стучали телеграфные аппараты, скакали „курьеры“... И весь этотъ шумъ нагло врвался и въ мужицкія избы, и въ пышныя хоромы, и въ святительскіе покои... Властно смутьяны всюду требовали отвѣта: „Что вы думаете?.. Каково ваше мнѣніе? Весь міръ жаждетъ вашего мнѣнія?..“ — „*Никакъ?!*“ — Нельзя *никакъ!*.. Понимаете: міръ того желаетъ, и вы обязаны высказаться!..“ И, будучи не въ силахъ отвязаться отъ докучливыхъ газетныхъ мухъ, слабовольный писатель, и научный „олимпіецъ“, и служитель алтаря—всѣ летѣли за газетными мухами и ложились на типографскій станокъ!.. И ни у кого не хватало смѣлости сказать: „Вамъ нуженъ пятакъ. Извольте получить, и проваливайте“...

— Поставленный на репетицію эпилогъ къ трагикомедіи „*Гр. Л. Толстой*“ еще разъ ярко обнаружилъ маразмъ совѣсти или жалкую упадочность чутья правды въ нашемъ обществѣ! Чего всполошились? Что случилось новенькаго? Бѣжавшій отъ жены Толстой всѣхъ такъ переполошилъ!.. Но, полноте! Такъ ли дорогъ вамъ Толстой, какъ вы всполошились?! Не отрекался ли каждый изъ васъ отъ Толстого сто разъ на день?! Не проклиналъ ли каждый изъ васъ Толстого за его грубое и кощунственно-пошлое попираніе святынь вашей души?! Не полна ли русская земля, да и другія страны, жертвъ толстовскаго безумія?!

Чего же вы хотѣли, создавая міровую смуту?! Или Толстой сдѣлалъ своимъ послѣднимъ шагомъ нѣчто воистину великое? Но тогда скажите: *что?*

И не новый ли актъ узко-житейской комедіи разыгралъ Толстой своимъ бѣгствомъ изъ яснополянскаго дома? Въ самомъ дѣлѣ, донельзя себялюбивый старикъ вдругъ схватывается на разсвѣтъ, шумомъ будить жену, обманываетъ ее якобы принятіемъ лѣкарственныхъ порошковъ, запасается деньгами и въ свой и въ докторскій карманы, затѣмъ будить кучера запрягать лошадей, садится съ докторомъ въ экипажъ, гонитъ Фильку впереди съ факеломъ... Это—„бѣгство“ Толстого изъ дома...

А дальше... Площадка вагона 3-го класса... Несносный табакъ пассажировъ... Требованіе *отдѣльнаго* вагона и, конечно, тоже 3-го класса... Заѣздъ въ Оптину пустынь; заѣздъ къ старцу Іосифу... Величественная роспись: „Л. Толстой благодаритъ за гостепріимство“... Женская обитель... Толстой у сестры-монахини... Бѣгство Толстого изъ обители, якобы отъ „шпіона“, бродившаго-де у окна кельи Толстого!.. Станція „Астапово“... Лишеніе покоя начальника станціи... Наѣздъ камарильи Толстого и газетныхъ мухъ... Камарилья ведетъ войну съ мухами, какъ бы чего „нехорошаго“ не пустили въ печать!.. Вызовъ докторовъ, привозъ кровати изъ Москвы!.. И т. д. и т. д!..

Что же здѣсь великаго?!.. И не лежитъ ли на всемъ этомъ печать той фразы, которую одну только изъ всѣхъ своихъ писаній Л. Толстой все время тщательно исполнялъ: „*мнѣ надо самому одному жить*“... Не верхъ ли самаго отвратительнаго себялюбія была вся эта кутерьма, поднятая Толстымъ! И посмотрите, едва только ему легчало, какъ онъ тотчасъ просилъ читать газеты!.. Камарилья его заботливо поясняла, что онъ „читалъ газеты,—но только не о себѣ“!.. Полноте! Да о комъ же Толстой и заботился послѣднія тридцать лѣтъ, какъ только не о себѣ!.. И вся обстановка его

бѣгства развѣ не говорила ясно, что Толстому нѣтъ дѣла ни до кого и ни до чего, или что то же: „мнѣ надо самому одному жить, самому одному и умереть“!..

— „Нѣтъ, — говорятъ, — бѣгство Толстого — это *великая трагедія великой души!*..“ Но взгляните *при свѣтѣ своей совѣсти* на душу Толстого, и вы безъ оглядки сбѣжите отъ него! Развѣ не изъ его „чрева потекли рѣки воды мертвой“, которая отравила сердца и сгубила тѣла народныхъ массъ?! Развѣ не Толстой до невѣроятности пошло глумился надъ христіанскимъ Богомъ, надъ святыми апостолами, надъ Христовою Церковью, надъ святыми таинствами, надъ христіанскимъ бракомъ и семьею?! Развѣ не онъ своимъ ложнымъ „христіанскимъ ученіемъ“ посягнулъ даже на души дѣтей — „малыхъ сихъ“?! Вы, ежегодно идущіе къ св. евхаристіи, — помыслите о тѣхъ хулахъ, кои возложилъ на нее Толстой, и, если въ вашемъ сердцѣ есть хоть капля вѣры въ Св. Таинство Тѣла и Крови Христовыхъ, развѣ не отвернетесь вы съ ужасомъ отъ Толстого!.. Болѣе 30 лѣтъ „великій“ русскій кощунникъ своими старческими устами топталъ и неистово хулилъ Христа и Его Церковь, поносилъ всѣ святыни христіанства, грабилъ душу Россіи, толкалъ на ужасныя религіозныя преступленія и звѣрства цѣлыя массы несчастныхъ, сбитыхъ имъ съ толку сыновъ Россіи, гналъ ихъ въ тюрьмы, на смерть, на полныя страданій скитанья въ дальніе края, отнималъ у трудящихся и обремененныхъ и страждущихъ единственную утѣху и отраду ихъ въ жизни — Господа Христа... А ему въ отвѣтъ кричали: „*великая трагедія великой души!*..“ Какое лицемеріе! Это-ли не жертва Молоху!..

Болѣе 30 лѣтъ старикъ „художественно“ терзалъ и поносилъ славу и государственное величіе Россіи. Тысячи крестьянъ, рабочихъ и прочихъ горемычныхъ тру-

женниковъ Россіи брошены имъ въ объятія государственнаго бунта противъ власти, противъ собственности, противъ податей, воинской повинности и пр... Ихъ сѣкли кнутами, заточали въ тюрьмы, вѣшали, ссылали... Кровь этихъ жертвъ, обманутыхъ „художествомъ“ Толстого, вопіяла объ отмщеніи!.. А, между тѣмъ, „художественнаго погромщика“ вѣнчали лаврами и привѣтствовали хвалебными кликами: „великая трагедія великой души“!.. Жутко, страшно за совѣсть людскую; точно она сгорѣла дотла! И нѣтъ просвѣта...

„Я ищу человѣка“,—нѣкогда сказалъ Діогенъ, бродившій съ фонаремъ въ ярко солнечный день!.. „Я ищу совѣсть людскую“,—сказалъ бы онъ теперь, въ изнеможеніи падая близъ своей бочки... Нѣтъ ея,—этого неліцепріятнаго судіи человѣка, этого правдиваго зеркала человѣчества!.. И чѣмъ сильнѣе на словахъ кричатъ о ней, тѣмъ глубже дѣлами закапываютъ ее въ подземелье! Испошлилось все на Руси. Обезсовѣстилась прежде всего „передовая“ Русь. Ужъ не ея ли кумиры низлагалъ Толстой?! Не ея ли культуру и цивилизацію онъ называлъ „самодурствомъ“, не ея ли „правовой строй“ призналъ „порабощеніемъ и развратомъ“, не ея ли равноправіе половъ отождествилъ съ „развращеніемъ и враждою половъ“?! А современная „наука“ со всѣми ея „освободительными аксессуарами“,—развѣ это, по Толстому, не „выдумка чернаго діавола въ мантии“?! Или „народное представительство“—это дѣтище всѣхъ „освободителей“—не „центръ народнаго разврата“, по Толстому?!.

Такъ скажите же, всѣ вы: и правители, и мужи Думы, и Совѣта, и служители прессы, и либеральные и революціонные дѣятели, и земцы, и доктора, и профессора, и адвокаты, и жалкіе студентики, и курсистки, и несчастные рабочіе—за что вы чувствуете и что вамъ

дорого въ Толстомъ?!. Если онъ—ваше зеркало, такъ вы же дѣлами своими ушли отъ него, разбили его!.. Не вамъ ли онъ сказалъ, когда вы бѣсновались по случаю 80-лѣтія его: „*фальшивое* кокетство“!.. Не онъ ли силился остановить вашу безумную и лицемѣрную оргію!..

— Если вникнуть въ сущность всего этого „освободительнаго бѣснованія“ возлѣ Толстого, то нельзя не увидѣть, что оно не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ Толстого, какъ таковымъ. Собственно, до ученія Толстого и нѣтъ никому никакого дѣла! Всѣ эти „освободительные церемоніймейстеры“ прекрасно знаютъ, что въ жизни и самому Толстому не было никакого дѣла до своего ученія! Для своихъ экспериментовъ онъ достаточно находилъ матеріала среди народной темной массы, чтобы еще жертвовать собою или своими друзьями: гг. Стаховичами, Хирьяковыми, Чертковыми... Такъ почему же гг. „освободителямъ“ также для своихъ цѣлей не использовать Толстого, оставивъ его ученіе въ сторонѣ и себя въ безопасности?.. Почему если Толстому „надо самому одному жить“, то и „освободителямъ“ нельзя также „самимъ однимъ жить“?!. И вотъ для собственнаго удобства они наряжаютъ Толстого въ какой имъ любъ кафтанъ и его именемъ пользуются для своихъ рекламныхъ цѣлей, для борьбы съ врагами своего благополучія!..

Вся жизнь Толстого,—говоритъ одинъ видный англійскій писатель Лангъ, лично бывавшій у Толстого,—была *превосходнымъ дѣловымъ компромиссомъ*!.. Вотъ это прекрасно усвоили наши „освободители“. Въ теоріи ругай-де насъ, сколько и какъ хочешь, а только въ жизни вступай съ нами „въ дѣловые компромиссы“!.. Намъ надобно твое громкое имя! Ну, а мы тебѣ отдадимъ его еще болѣе громкимъ! Обоюдный интересъ: спѣлись! И закужились въ совмѣстной „дѣловой“

пляскѣ... И такъ пляшутъ и у гробовой доски!.. Омерзительное зрѣлище!..

Знаменитый Кальдеронъ, удивляясь самопротиворѣчію Толстого въ ученіи и особенно въ жизни, задался вопросомъ: „почему ученики Толстого негодуютъ за то, что Церковь отказываетъ ихъ учителю въ утѣшеніяхъ религіи, которыя онъ отвергаетъ, объявляя ихъ ложью и насильствомъ; почему они призываютъ весь цивилизованный міръ раздѣлить съ ними вопль горькаго негодованія на клерикальную тиранію?!.“ И Кальдеронъ пришелъ къ заключенію, что народилось у насъ „*новое полубообразованное общество*“, жаждущее и требующее немедленнаго осуществленія мира и счастья на землѣ! Это „общество“ не любитъ „обременять себя знаніемъ“ и потому не выноситъ много и долгодумныхъ людей науки... Оно ищетъ „*пророка*“... И вотъ оно заполняетъ собою кадры „*новохристіанъ*“, толстовцевъ и пр.!.. Этимъ людямъ свойственны всякія противорѣчія вѣрованій, имъ свойственно даже вѣрить въ сознательную для нихъ самихъ ложь. И, однако, люди эти нерѣдко орудуютъ общественнымъ мнѣніемъ,—они создаютъ репутаціи: однихъ покрываютъ позоромъ, другихъ вѣнчаютъ славою; они накапливаютъ массу горячаго матеріала, отъ котораго можетъ загорѣться и серьезная часть общества!..—Нѣтъ возможности,—заключаетъ Кальдеронъ,—перечислить всѣ черты непослѣдовательности и всю массу противорѣчій, поглощаемыхъ учениками Толстого. Толстой—это колеблющійся „пророкъ“: онъ не останавливается ни на положительномъ утвержденіи, ни на рѣшительномъ отрицаніи, но говоритъ: „это вѣрно... по крайней мѣрѣ, это можетъ быть вѣрно... но нѣтъ, въ сущности, я увѣренъ, что это невѣрно“. А ученики, воспринимая такія слова, твердятъ отъ себя: „мы увѣрены, что это вѣрно, что это можетъ быть вѣрно и

что въ сущности все-таки невѣрно“... Какая благодарная ловля рыбы для нашихъ „освободителей“ въ столь мутной водѣ!.. И вотъ эти ловцы сбѣжались, было, и къ одру гр. Толстого, опутали его своими сѣтями покрѣпче, чтобы, чего добраго, въ послѣдній часъ онъ не вырвался изъ объятій ихъ „дѣлового компромисса“ и не подвелъ бы такого итога ихъ совмѣстной работы, отъ котораго бы они долго не пришли въ себя!.. Дѣльцы, дѣльцы,—гдѣ ваша совѣсть?! Утопили вы ее въ грязной пѣнѣ своихъ страстей!.. И этой пѣною гасите послѣднюю искру любви Божіей въ сердцѣ вами погубленнаго гр. Л. Толстого!.. Репетиція эпилога міровой трагикомедіи была послѣднимъ попустительнымъ предостереженіемъ Всевышняго Творца тому, кто получилъ отъ Бога тысячу талантовъ и употребилъ ихъ во зло Божьяго міра! Но не понялъ ея смысла гр. Л. Толстой и до конца оказался рабомъ заѣвшей его среды!.. Ему не дали „самому одному“ побыть въ послѣдніе дни съ самимъ собой! Ему не дали *самому* подвести итогъ своей жизни и сказать *свое* послѣднее слово! Его снова втянули въ „дѣловой компромиссъ“!.. Жалкое время! Пошлые люди!

II.

Церковь и гр. Л. Толстой.

„Любовь долготерпѣть, милосердствуетъ, не безчинствуетъ“ (1 Корин., 13 гл., 4 ст.).

„Есть грѣхъ къ смерти, не о томъ глаголю, да молится“ (1 Ин., 5 гл., 16 ст.).

По смерти гр. Толстого повсюду шли усиленные толки о томъ, разрѣшить ли Святѣйшій Синодъ предать *не* въ Бозѣ почившаго гр. Л. Толстого церковному погребенію?..

Не было ни одного мало-мальски виднаго церковнаго дѣятеля, котораго бы ни осаждали съ этимъ вопросомъ газетныя осы... И замѣчательное явленіе наблюдалось даже при бѣгломъ взглядѣ на смуту вокругъ вопроса о погребеніи гр. Л. Толстого. Люди не только безразличны къ Церкви, не только не вѣрующіе въ спасительность ея молитвъ, но и рѣзко враждебные къ ней,—съ особеннымъ рвеніемъ требовали церковнаго погребенія гр. Л. Толстого!.. Они прозрачно намекали даже на властное принужденіе, чтобы Св. Синодъ разрѣшилъ отпѣть гр. Толстого по-церковному. Здѣсь уже они забывали и о „свободѣ религіозной совѣсти“, и о „независимости Церкви отъ государства“, и т. под., а вступали и другихъ толкали на осуждаемый ими же путь порабощенія Церкви государствомъ, путь дѣйствительнаго уже, а не мнимаго, какъ провозгласили, было, гг. Мережковскій и др., „паралича Церкви!..“

И, при видѣ этой фальши, невольно приходилось заключать, что всѣ подобные „оратели“ за церковное погребеніе гр. Толстого въ существѣ дѣла жаждали принизить Церковь, опозорить ее въ глазахъ и въ сердцахъ вѣрующей народной массы и тѣмъ подготовить торжество для своихъ „освободительныхъ идей“!.. Вѣдь если бы они искренно желали воцерковить прахъ гр. Толстого, то кто мѣшалъ имъ уничтожить, хоть въ послѣдніе дни жизни Толстого, преграду, отдѣлявшую его отъ Церкви, и сподобить его принятія святыхъ таинъ Христовыхъ?! А они что сдѣлали? Возвысили и укрѣпили эту преграду!.. Вырвали слабовольнаго и бѣжавшаго отъ нихъ старца изъ-подъ крова святыхъ обителѣй, окутали душу его самой ужасной предсмертной гордыней, увезли его въ непогоду и тамъ, въ степной глуши, превратили тѣло его въ безбожный прахъ!.. Забыли все: и Бога, и совѣсть, и даже простую поря-

дочность, когда съ бѣсовскою хитростью не допустили служителей Церкви къ смертному одру гр. Толстого, когда не прочли ему даже телеграммы предстоятеля Церкви!.. Некогда было,—надо было газеты читать!.. Надо было исполнять „завѣщаніе“ графа, которое явилось плодомъ возгрѣтаго ими же раздраженія по поводу отлученія графа отъ Церкви: „я дѣйствительно отрекся отъ Церкви, пересталъ исполнять ея обряды и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали ко мнѣ церковныхъ служителей и мертвое мое тѣло убрали поскорѣе“... вмѣсто угашенія въ графѣ духа злобы, они раздули его.

А какимъ близкимъ казалось обращеніе гр. Толстого!.. „Можетъ-быть,—писалъ извѣстный писатель-психологъ Д. С. Мережковский,—если бы мы больше любили и окружили, обступили его съ дѣйствительною мольбою къ нему, молитвою за него, съ дѣйствительною вѣрою въ невозможное—въ чудо его обращенія, то онъ не устоялъ бы, содрогнулся бы, что-то понял бы, по крайней мѣрѣ, что онъ чего-то не понимаетъ, что не все такъ просто, какъ ему кажется!.. Языкъ не повернулся бы у него... рука не поднялась бы до такого кроваго оскорбленія Церкви... Нельзя было Церкви не засвидѣтельствовать объ отпаденіи Л. Толстого, какъ мыслителя, отъ христіанства. Но, можетъ-быть, это не послѣднее слово Церкви о немъ; можетъ-быть, она когда-нибудь засвидѣтельствуетъ и то, что, подобно языческому слѣпцу „Омиру“, и этотъ новый слѣпецъ христіанства касается Духа Святаго, устремляется къ Слову, Богу славу поетъ, Христу плачетъ, себѣ невѣдомо, тайной житія своего совершая сіе“.

Не сбылось! Слепцы окружили слѣпца и увлекли его въ бездну съ хулою на Церковь Христову!..

Какъ же можно было вопить о церковномъ погребеніи!.. Церковь сдѣлала все... Свои материнскія ласки, мольбы, свое милосердіе она простерла до крайнихъ предѣловъ... Но ее грубо и съ демонской злобою оттолкнули!.. Такъ неужели она должна вмѣстѣ со своими хулителями превратить христіанскую любовь въ безчинство и нераскаяннаго грѣшника „грѣхомъ къ смерти“ воцерковить?!

Я не буду говорить о томъ, что и св. евангеліе, и церковные каноны не дозволяютъ предать гр. Л. Толстого церковному погребенію,—это извѣстно и безспорно! Но я укажу на то, какой роковой соблазнъ произвело бы такое погребеніе въ средѣ вѣрныхъ чадъ Церкви и какое бы мощное оружіе оно дало врагамъ Церкви для борьбы съ нею!..

Къ великой радости православныхъ христіанъ, ничего подобнаго съ Христовой любовью не случилось. Она не была отдана на поношеніе враговъ Христа. Православная Церковь не разрѣшила воцерковленія нераскаяннаго грѣшника гр. Толстого! Это было сказано Св. Синодомъ давно, и только враги Церкви сдѣлали изъ этого якобы неразрѣшенный еще вопросъ!.. Въ своемъ опредѣленіи объ отлученіи отъ Церкви гр. Л. Толстого Св. Синодъ оповѣстилъ: *„Церковь не считаетъ его своимъ членомъ и не можетъ считать, доколѣ онъ не раскается и не возстановитъ своего общенія съ нею“*. И первоіерархъ русской Православной Церкви на рѣзкое и полное невѣрія письмо къ нему графини С. А. Толстой отвѣчалъ: „Любовь Божія безконечна, но и Она прощаетъ не всѣхъ и не за все. Хула на Духа Святаго не прощается ни въ сей, ни въ будущей жизни (Мѡ., 12 гл., 32 ст.). Господь всегда ищетъ человѣка Своею любовью, но человѣкъ иногда не хочетъ итти навстрѣчу этой любви и бѣжитъ отъ Лица Божія, а

потому и погибаетъ. Христосъ молился на крестѣ за враговъ Своихъ, но и Онъ въ Своей первосвященнической молитвѣ изрекъ горькое для любви Его слово, что погибъ сынъ погибельный“...

„Когда, — продолжаетъ первоіерархъ, — газеты разнесли вѣсть о болѣзни графа, то для священнослужителей во всей силѣ всталъ вопросъ: слѣдуетъ ли его, отпавшаго отъ Вѣры и Церкви, удостоивать христіанскаго погребенія и молитвы?“ И Синодъ въ руководство священнослужителямъ „далъ и могъ дать *только одинъ отвѣтъ: не слѣдуетъ, если умретъ, не возстановивъ своего общенія съ Церковью*. Никому тутъ никакой угрозы нѣтъ, *и иного отвѣта быть не могло*“...

Мы знаемъ, что „иной“ отвѣтъ надобенъ былъ врагамъ Церкви... Имъ надо было сдѣлать Церковь посмѣшищемъ у народовъ и на церковныхъ развалинахъ создать свое богоборное царство,—царство лжи и потери въ человѣкѣ совѣсти... Только тогда они успокоятся, ибо уже ничто внутреннее не будетъ глотать ихъ за мерзость ихъ дѣлъ... Только тогда они надѣются создать свой человѣческій „миръ“ и свое человѣческое „братство“, въ которомъ они и все ихъ потомство захлебнутся грязной пѣной бѣснующихся человѣческихъ страстей...

Но вѣрно слово Христа: „Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолѣютъ ей“.

III,

Л. Толстой и толстовцы.

Въ самомъ дѣлѣ Толстой самъ въ правду ли толстовецъ? (Кальдеронъ).

— Былъ Толстой, было и есть толстовство но не было и нѣтъ толстовцевъ.

Уже при жизни Л. Толстого многіе весьма основательно утверждали, что у насъ собственно нѣтъ „тол-

стовцевъ“. Теперь же, когда надъ Толстымъ захлопнулась гробовая крышка, мы съ неоспоримою ясностью увидѣли, что, дѣйствительно: *былъ Л. Толстой, было и есть толстовство, но не было и нѣтъ толстовцевъ*“.

У гроба „міровыхъ свѣтилъ“ не только мѣсто стenanій и плача ихъ учениковъ, но и смотръ ихъ „мірового наслѣдія“, плодовъ ихъ жизни и ученія!.. Здѣсь подводится итогъ міровой работы великихъ мужей, и какъ бы оставляется міру въ наслѣдіе ихъ закваска.

Но что же мы видѣли у гроба Л. Толстого? Кто эти, создавшіе міровой шумъ у его праха? Птенцы толстовскаго гнѣзда? Ученики, пламенѣющіе любовью къ своему учителю? Тѣ, кто воплотилъ въ своей жизни ученіе Толстого, кто отдался ему душою?

Нѣтъ!.. И... нѣтъ!.. Это все тѣ, кого всѣми фибрами своей души Толстой обличалъ, клеймилъ за ихъ внутреннее убожество, за мерзость ихъ жизни и ученія!.. Это тѣ, чье юбилейное „бѣснованіе“ онъ на склонѣ своихъ лѣтъ громко прервалъ воплемъ: „фальшивое кокетство“!.. Самъ, будучи не въ силахъ выполнить свое ученіе, Толстой все же *пытался* его исполнить. Жертва своей слабовольности, онъ весь погрязъ въ „дѣловыхъ компромиссахъ“, которые даже ему не дали возможности стать „толстовцемъ“!.. Но все же этого онъ хотѣлъ, къ этому стремился... Онъ съ горечью говорилъ: „Я человѣкъ совершенно слабый, человѣкъ съ порочными привычками, который желалъ бы служить Богу истины, но постоянно спотыкается“... Толстой „спотыкался“ и въ жизни, но особенно въ ученіи... Онъ заблуждался не только „практически“ или „житейски“, но и принципиально!.. Однако, на всемъ этомъ множествѣ случаевъ лежала печать *искренности*... Онъ злобствовалъ, онъ кощунствовалъ!.. Но онъ же не разъ и раскаивался за свои кощунственныя писанія... Снова кощунствовалъ и

снова плакался за паденіе!.. Сильный умомъ, до жалости слабый волею, онъ часто писалъ по наущенію своихъ „друзей“, а затѣмъ „горько плакался“, но не находилъ силъ избавиться отъ страшной для него „камарильи“!.. Величайшее изъ преступленій Толстого—это кощунственная глава о св. таинствѣ причащенія въ „Воскресеніи“ была имъ зачеркнута въ рукописи, но сдана въ печать его „злымъ опекуномъ“ Чертковымъ!.. Толстой весь сотканъ былъ изъ противорѣчій, весь былъ хаотиченъ!.. Но онъ искалъ .. искалъ часто искренно... падалъ... поднимался, чтобы снова пасть еще глубже... Злобствовалъ... обуревался непомѣрною гордыней... но и смирялся и т. д... и т. д... Мы видѣли душевную драму титана... Мы видѣли его заблужденія... Съ ужасомъ мы смотрѣли въ ту бездну, куда онъ ринулся самъ и куда увлекъ многихъ!.. Но мы, расходясь съ нимъ принципиально, не толкали его въ эту бездну грѣха и гибели, не воздымали его гордыни! Наказуя его, любя, мы ждали отъ него отрезвленія Савла... Онъ остался Савломъ,—не обновился въ Павла... И наклонѣлъ своихъ сталъ добычею „черныхъ вороновъ“!..

Едва запахло трупомъ, какъ стая „черныхъ вороновъ“ закружилась надъ гр. Толстымъ. Летѣли „вороны“ отовсюду... И прежде не разъ они пытались сдѣлать Толстого своею добычею... Но онъ до смерти все же кое-какъ отбивался отъ нихъ. Теперь же, кто только ратовалъ за новый строй государственной жизни Россіи, кто провозглашалъ народовластіе и „общечеловѣческій социальный союзъ“ съ „всемирнымъ пролетарскимъ блокомъ“, кто обоготворялъ „науку ради науки“, „искусство ради искусства“, кто подъ знаменемъ „свободы совѣсти“ гасилъ въ людяхъ послѣднюю искру совѣсти и изгонялъ отовсюду Бога, религію, запросы души человѣческой, кто обоготворялъ золотого тельца, кто

превращалъ разсадники просвѣщенія въ вертепы разврата, какъ бы стирая различіе половъ учащихся, кто подъ знаменемъ „свободы, равенства и братства“ проводилъ въ жизнь ужасное рабство и нравственное одичаніе, кто требовалъ во имя „культъа плоти“ осязательныя всевозможныя непотребства, — всѣ, какъ „черныя вороны“, взвились надъ трупомъ Л. Толстого и подняли такое карканье, точно лишились „старшого“ своей стаи!..

Съ трибунъ правителей, Государственной Думы и Государственного Совѣта, съ высотъ научнаго Олимпа, отъ всевозможныхъ „культурно-освободительныхъ“ обществъ и собраній, отъ „лѣвыхъ ословъ“ и „кадетскихъ мудрецовъ“, отъ жалкой душетряпичной прессы, отъ „дѣвъ сознательныхъ“ и пышнаго бомонда, отъ „уличныхъ“ студентовъ и курсистокъ, отъ сытыхъ и голодныхъ — къ могилѣ Толстого полились рѣчи, полныя „горя“, „скорби“ и „стенаній“... И чувствовалось, что каждый вѣнокъ, и каждое слово, и каждая процессія этой стаи для Толстого точно клеванье ворономъ его закатившихся глазъ!.. Ъли живого, силятся и мертваго съѣсть безъ остатка!.. Каждый спѣшилъ объявить Толстого „своимъ“!.. И кровожадные эсъ-деки, и упитанные кадеты, и барски-аршинные октябристы, и все, что только было наиболѣе противнаго Толстому, спѣшило сказать ему послѣднее: „ты — нашъ“!.. И главное: „не мы — твои“, а „ты — нашъ“!.. Разница огромная!..

За послѣднія 30 лѣтъ Толстой только и кричалъ всѣмъ: „я — не вашъ“... А теперь надъ его трупомъ „почитатели“ его таланта устроили возмутительнѣйшій подлогъ, когда, „бѣснуясь“ на разные лады, кричали: „ты — нашъ“!.. Да, Толстой имъ надобенъ!.. Онъ надобенъ имъ, какъ рыбаку червь для ловли рыбы!.. Имъ

они не только силятся прикрыть все безобразіе своихъ исканій, но и уловить въ свои сѣти неосмысленныхъ... „Ловись рыбка большая и маленькая“!.. Сорвалась „рыбка большая“!.. И какой неистовый ревъ раздался по адресу Св. Синода!.. А ужъ не ловцы ли гг. Стаховичи, Анрепы, Родзянки, Капнисты etc!..

Я не вашъ,—сказалъ Толстой Церкви... И Церковь, послѣ долгихъ и молитвенныхъ исканій этой заблудшей овцы, сказала: „Да, не мой!..“ Болѣе того, Церковь, побѣдивъ всѣ искушенія — мірскую власть, и славу, и „покой“,—сказала и главнѣйшее: „И я не твоя“!.. А, между тѣмъ, взявъ Толстого въ „свои“, хотя и вопреки его волѣ, вся „освободительная“ стая „черныхъ вороновъ“ стремилась чрезъ Толстого, хотя и подложного, *плънитъ* Церковь, ея святостью освятить всѣ свои мерзости, всю отраву своей „цивилизаци“!.. Церковь тогда перестала бы быть „столпомъ и утвержденіемъ истины“, а явилась бы служанкою на посылкахъ у современной богоборной культуры и прочихъ „стихій міра сего“!.. Изъ двухъ мощныхъ враговъ жидо-масонскаго социализма — Церкви и государства, одинъ и самый мощный врагъ — Церковь, не только была бы низложена, а и направлена на разгромъ государства!.. Но... сорвалось! Вотъ почему шумить, „бѣснуется“ и не можетъ успокоиться революціонно-освободительная клика!.. Наконецъ, нашли какого-то таинственнаго,—пожалуй, и самозваннаго „попа“, „отпѣли“, зашумѣли на всю Русь, — но все не то: Церковь не признала „отпѣванія“,—а они этого то и домогались!..

Не лучше съ Л. Толстымъ поступаютъ и за границей. Извѣстный французскій писатель Леонъ Додэ такъ вскрываетъ секретъ вліянія и славы Л. Н. Толстого во Франціи;

„Наша эпоха, упразднивъ законы, Бога и традиціи,

преклоняется предъ глашатаями новыхъ идей, какимъ является и жестокой теоретикъ „Воскресенія“... *Евреи*, никогда не упускающіе случая прицѣпиться ко всему, что можетъ смутить спокойствіе страны и расшатать ея основы, съ особеннымъ восторгомъ усыновили Толстого. Нѣтъ такого сына или племянника жида-финансиста, который не былъ бы готовъ проповѣдывать „Власть тьмы“ народу и объяснять ему значеніе новой религіи. Въ тотъ вечеръ въ „Одеонѣ“, когда среди роскошной филантропической обстановки князь Нехлюдовъ, терзаемый угрызеніями совѣсти, сомнѣніями и недоумѣніями, стремится спасти душу Масловой великолѣпными фразами и непримѣнными на практикѣ средствами, безчеловѣчными вслѣдствіе чрезмѣрной гуманности, *я любовался жидами*.

„Какъ расчувствовались наши крокодилы!

„Плакали юные завсегдатаи кулись съ козлинымъ или верблюжьимъ профилемъ, которые послѣ смерти своихъ папашъ будутъ продолжать ихъ дѣло — разоренія Франціи. Рыдали почтенные представители правосудія, способствовавшіе бѣгству и безнаказанности столькихъ мерзавцевъ и мошенниковъ. Громко негодовали при видѣ непонятой проститутки торговцы живымъ товаромъ всего свѣта!

„Былъ тутъ и отпрыскъ извѣстнаго вора, пустившаго по міру великое множество семействъ. Съ азартомъ хватаясь за сѣдую голову, онъ, съ восторженностью духобора, объяснялъ своему сосѣду, давно потерявшему стыдъ и совѣсть сенатору, величіе міровой скорби, проповѣдуемой со сцены...

„Извѣстно, что израиль всегда стоитъ за идею равенства и братства, чтобы удобнѣе грабить названныхъ братьевъ, а изъ награбленныхъ миллионовъ удѣлить грошъ на свѣчу передъ алтаремъ всемірнаго союза...

„Во время представленія „Воскресенія“ я понялъ таинственную причину современной моды на такихъ писателей, какъ Толстой. Непризнающіе родину космополиты черпають изъ его ученія мнимо благородное оправданіе своей подлой трусости и эгоизма. Презрѣніе къ имуществу не можетъ не прельщать аферистовъ, падкихъ до чужого добра, которые набѣгутъ со всѣхъ сторонъ, чтобы захватить имѣнія и капиталы князей Нехлюдовыхъ. Жадные представители золотого Гетто всегда являются ярыми почитателями альтруизма. Въ непротивленіи злу насиліемъ, въ пышныхъ тирадахъ противъ милитаризма исконные враги арійскихъ обществъ усматривають походъ къ разоруженію и апологию трусости. Въ кликъ „Долой оружіе!“ имъ особенно нравится перспектива повышенія курса. Когда народы будутъ обниматься, какъ удобно будетъ опустошать ихъ карманы!

„И вотъ почему, когда Нехлюдовъ патетически клеймилъ условную ложь общества, я видѣлъ вокругъ себя еще гнуснѣйшую и преступнѣйшую ложь. Ту ложь, *что пользуется чувствительностью сердца и святыми слезами состраданія, чтобы методически эксплуатировать простосердечіе и недомысліе.*

Сквозь несомнѣнный геній автора я прозрѣвалъ ясно современное лицемѣріе, находящее извиненіе своимъ мерзкимъ поступкамъ въ проповѣди милосердія, соболѣзнующей однимъ проституткамъ, мошенникамъ и разрушителямъ государственныхъ постановленій, устраивая шестія изъ плакальщицъ и почитателей вокругъ нравственныхъ уродовъ.

И уже всюду начинаютъ проявляться тлетворныя послѣдствія этого апофеоза паденія и преступленія: *покидающее насъ мужество замѣняется сентиментальностью“..*

вотъ стаи такихъ „черныхъ вороновъ“ слетѣлись, было, ко гробу Л. Толстого и возмутили своимъ карканьемъ покой Россіи и всего міра!..—Это ли не „ученики“ Л. Толстого?!. Это ли не наслѣдіе, оставленное имъ міру?!. Это ли не закваска, которою Толстой мечталъ всквасить на весь міръ?!. О, если бы онъ всталъ и посмотрѣлъ, что сдѣлали съ нимъ всесвѣтные лица-мѣры, заполнившіе ряды его „учениковъ“, одѣвшіеся въ плащъ „толстовцевъ“!.. Въ безсиліи онъ замахалъ бы старческими руками, горько зарыдалъ бы и сказалъ: „Я этого не хотѣлъ!.. Все это мерзость запустѣнія!..“ А въ отвѣтъ бы услышалъ: „Нѣтъ, мы — *твои*, мы — *толстовцы*“... И всѣ эти лицедѣи потянулись бы къ старцу съ лобзаніями...

Содрогнулся бы старецъ отъ такихъ плодовъ, отъ такого наслѣдія, оставленнаго міру его все разрушавшимъ „художествомъ“!.. И снова онъ попытался бы бѣжать и отъ этихъ „толстовцевъ“, и отъ своего „художества“... И снова „черные вороны“ хищно впились бы въ него своими клювами и когтями... И снова онъ безпомощно и горько простоналъ бы на весь міръ!.. Вѣчная трагедія!.. Вѣчная сумятица!.. Вѣчный хаосъ!.. И все это потому, что самое „художество“ гр. Л. Толстого носило въ себѣ сѣмена ужаснаго хаоса, ужаснаго разрушенія!.. „Разрушу все“, — сказалъ великій духъ Толстого... И вотъ предъ нимъ картина разрушенія, при видѣ которой онъ самъ пришелъ въ стenanіе и на вѣки сомкнулъ глаза!

И. Айвазовъ.

